

УДК 821.161.1-31(Сологуб Ф.)+655.58. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-16-26.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444+Ч617.3.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

**ПЕРВОЕ КРИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ Ф. СОЛОГУБА:
«МЕЛКИЙ БЕС» В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ACADEMIA»**

Филичева В. В.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2942-4846>

SPIN-код: 2832-4467

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается эпизод изучения творчества Ф. Сологуба в 1930-е годы. После смерти писателя его архив поступил в Пушкинский Дом, и стало возможным научное издание романа «Мелкий бес», основанное на этих материалах. Книга вышла в 1933 году в издательстве «Academia»; текст был подготовлен А. Л. Дымшицем, предисловие написано О. В. Цехновицером. Однако изначально планировался другой состав тома: в нем, помимо раздела «Варианты» и прокомментированного, но не включенного в основной текст эпизода о литераторах Тургеневе и Шарике, должна была быть помещена вступительная статья Дымшица. Текст ее сохранился в фонде издательства в РГАЛИ и позволяет проанализировать, какой взгляд на творчество «чуждого советской власти» декадента требовался для обязательного в начале 1930-х годов элемента книги – идеологической, «щитовой» преамбулы. Еще одним источником понятий о том, каким образом должен быть представлен «Мелкий бес» советскому читателю, стала рецензия Л. Тимофеева в журнале «Книга и пролетарская революция», где критика была направлена не только на предисловие и состав тома, но и на само издательство и деятельность Л. Б. Каменева. Сопоставление статьи Дымшица с предисловием Цехновицера показывает, какие моменты были исследователем упущены, а что было излишним для этого жанра. Весь этот материал становится источником для изучения истории восприятия и репутации творчества символистов в советское время.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ф. Сологуб; «Мелкий бес»; «Academia»; А. Л. Дымшиц; О. В. Цехновицер

Б л а г о д а р н о с т и: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда: № 19-78-10012, <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, в ИРЛИ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Филичева, В. В. Первое критическое издание Ф. Сологуба: «Мелкий бес» в издательстве «Academia» / В. В. Филичева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 16–26. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-16-26.

**THE FIRST SCIENTIFIC PUBLICATION OF A WORK BY F. SOLOGUB:
THE PETTY DEMON IN THE ACADEMIA PUBLISHING HOUSE**

Vera V. Filicheva

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2942-4846>

A b s t r a c t. The article deals with an episode of studying F. Sologub's work in the 1930s. After the writer's death, his archive came to the Pushkin House, and a scientific publication of the novel *The Petty Demon*, based on these materials, became possible. The book was published in 1933 in *Academia* publishing house; the text was prepared by A. L. Dymshits, the preface was written by O. V. Tsekhnovitzer. However, the volume was originally planned to have a different composition: in addition to the section *Variants* and the famous episode about the writers Turgenev and Sharik, commented upon but not included in the text, it was to contain an introductory article by Dymshits. Its text has survived in the archives of the publishing house (Russian State Archive of Literature and Art) and allows seeing what view of the work of a decadent “alien to Soviet power” was required for such an important and obligatory element of the book in the early 1930s as an “ideological, ‘shield’ preamble”. Another source for analyzing how *The Petty Demon* should be presented to the Soviet reader was L. Timofeev's review in the journal *The Book and the Proletarian Revolution*. His criticism was directed not only at the preface and the composition of the volume, but also at the publishing house *Academia* itself and the activities of L. B. Kamenev. A comparison of Dymshits's article with Tsekhnovitzer's preface shows what points were missed by the researcher and what was superfluous for this genre. All this material becomes a source for studying the history of the perception and reputation of the Symbolists' work in Soviet era.

K e y w o r d s: F. Sologub; *The Petty Demon*; *Academia* Publishing House; A. L. Dymshits; O. V. Tsekhnovitzer

A c k n o w l e d g e m e n t s: The article was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, grant No. 19-78-10012 (<https://rscf.ru/project/19-78-10012/>), at the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences.

F o r c i t a t i o n: Filicheva, V. V. (2024). The First Scientific Publication of a Work by F. Sologub: *The Petty Demon* in the *Academia* Publishing House. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 16–26. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-4-16-26.

«Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя» [Цехновицер 1933: 5] – эта цитата

из речи Ленина на Красной площади, произнесенной 1 мая 1919 года, открывала первое научно подготовленное издание романа Ф. Сологуба «Мелкий

бес». История этого издания еще не становилась предметом специального рассмотрения, к ней мы и хотим обратиться.

Еще при жизни Сологуба, после 1923 года, публиковать или перепечатывать свои произведения писателю становилось все труднее¹. В известиях о его смерти (5 декабря 1927 года), заметках, освещавших похороны, некрологах, помещенных в советских периодических изданиях, сообщалось в том числе о его архиве, а среди оставшихся в нем рукописей назывались неизданные произведения: «Несмотря на болезнь, Ф. К. не оставлял литературной работы. Незадолго до смерти он вел переговоры с ленинградскими издательствами о выпуске двух своих последних томов стихов, написанных в 1925–27 гг. Это преимущественно лирические стихи. Среди посмертных рукописей имеется также и проза – повести и рассказы. В послевоенные годы несколько раз был переиздан “Мелкий бес”. В ближайшем времени госиздат предполагал выпустить 4-томное собрание избранных сочинений Ф. К. Сологуба»;² «Среди бумаг найдено много неизданных рукописей, разборкой которых занялся Пушкинский дом Академии Наук, и два законченных произведения: стихотворный перевод поэмы Мистрала “Миреа” и полный стихотворный перевод стихотворений Шевченко. Оба произведения были, как сообщают “Известия”, заказаны Госиздатом и будут выпущены в свет в непродолжительном времени»³. Предполагалось также составить сборник с воспоминаниями о писателе [Ф. Сологуб и Е. И. Замятин... 1997: 387–388]. Но из всего перечисленного изданными в 1930-е годы оказались только переводы из Т. Шевченко (первое издание – М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1934), а из воспоминаний выпущен только очерк Георгия Чулкова в журнале «Звезда» (1928, № 1).

С 25 апреля 1928 года архив писателя [Иванова 2006: 146] уже находился в Пушкинском Доме и, казалось бы, пришло время и появились условия для изучения его наследия, и действительно, в скором времени вышел том «Мелкого беса», подготовленный в издательстве «Academia», опирающийся на рукописи романа, и со вступительной статьей, где были использованы неопубликованные материалы о жизни и творчестве писателя

¹ Из стихотворений, написанных с 1924 по 1927 гг., опубликованы были только 13 новых текстов.

² [Б. п.] Ф. К. Сологуб // Красная газета (веч. вып.). 1927. 6 дек. № 328. С. 3. Подтвердить информацию о предполагаемых изданиях не удалось. Не исключено, что сообщение о них было введено в некролог специально, чтобы способствовать публикации. В переписке Сологуба с Ивановым-Разумником, который более всех участвовал в издательских делах писателя в последние годы его жизни, 4-томное собрание не упоминается.

³ Похороны Сологуба // Дни (Париж). 1927. 11 дек. № 1264. Ср. в письме Иванова-Разумника от 12 апреля 1926 года: «К сожалению, неудача постигла меня и с Вашими делами: “Мирей” и Шевченко еще не вошли в ближайший производственный план и положены под сукно, а вследствие сокращения деятельности Государственного Издательства – речь о переводе Беранже признана преждевременной в текущем году; возобновить ее можно будет не раньше зимы 1926–27 г. – Так и всё в Москве» [Иванов-Разумник в переписке... 2016: 502].

[Сологуб 1933].

Для «Academia» издание современных авторов не было частым событием. В списке книг, вышедших до 1 января 1934 года и планируемых к выпуску в 1934–1936 годах, из художественных произведений русской литературы начала века указаны только «Избранные стихотворения» В. Брюсова и «Мелкий бес» [Каталог изданий... 1932].

Возглавлявший издательство Л. Б. Каменев представлял серию русской литературы соответственно времени, а мотивацию выбора для публикации именно романа Сологуба не пояснял: «Русская литература XIX века во всем ее объеме есть ярчайшее проявление классовой борьбы. <...> Не имея возможности воспроизвести под этим углом зрения все творчество русских поэтов и писателей XIX века, “Academia” пытается заострить внимание читателя на тех произведениях русской литературы XIX века, в которых эта классовая борьба отразилась наиболее жизненно и ярко, независимо от того, входят ли эти произведения в установленный канон “классики”. Мы даем поэтому рядом с “Рудиним” и “Дворянским гнездом” Тургенева очерки и сцены Ник<олая> Успенского, рядом с Львом Толстым “Мелкого беса” Сологуба»⁴. Отдельное пояснение было дано только готовившемуся изданию «Бесов» Ф. М. Достоевского, первый том которого впоследствии хоть и был отпечатан в 1935 году, но так и не появился в продаже: «Нам нет никакой необходимости замалчивать эту струю русской литературы. Наоборот, редакционному совету “Academia” казалась достойной мысль сразиться с Достоевским на его собственной почве, т. е. дать его памфлет против революции с такими комментариями, которые стоя на достаточно высоком уровне, попытались бы действительно сломать жало этого романа-памфлета»⁵.

Как кажется, еще не совсем было ясно, что можно печатать, а что нет, но «Мелкий бес» был в некотором смысле «защищен» и Лениным, и Горьким. Отвечая на замечания Н. К. Крупской, которая считала нецелесообразным издавать ряд произведений, и в частности тексты Сологуба, Горький рекомендовал роман к публикации в «Государственном издательстве»: «Из всей прозы Сологуба это, – на мой взгляд, – единственная книга, которую следует издать <...> Книга эта требует предисловия, которое <дало> бы хорошую картину эпохи, “передонощины”» [Горький 1964: 289].

Важность такой составляющей изданий этого периода, как вступительная статья, неоднократно подчеркивалась исследователями. Сам язык, т. е. то, как писать о том или ином авторе, если можно/нужно писать, только формировался. И выработывался он в первую очередь во вступительных статьях к публикациям «чуждых советской действительности» авторов. По определению А. В. Лаврова, подобные «идеологические, “щитовые” преамбулы» – «отличительная примета советской книго-

⁴ Каменев Л. Б. «Academia» // Литературная газета. 1933. 23 дек. № 59. С. 3 (рубрика «Начинаем обсуждение планов издательств на 1934 год»).

⁵ Там же.

издательской политики в 1920-е – 1930-е годы» [Лавров 2021: 298]. При этом, «если в препарировании корифеев литературы и общественной мысли прошлого марксистские культуртрегеры стремились прежде всего обогатить своего читателя “правильным” пониманием ушедшей исторической эпохи, то при обращении к авторам новейшего времени и к здравствующим сочинителям, приемлемым только при надлежащем “правильном” подходе, избирался обычно метод конструктивной и нелицеприятной критики» [Лавров 2021: 297]. Предисловия в такой ситуации наравне с самим произведением были в фокусе внимания как издательских служащих, ответственных за выпускаемые тома, так и – после выхода книги из печати – критиков, которые не только оценивали работу автора, подписавшегося под вводной статьей, но нередко корректировали его недочеты. Так и в случае с «Мелким бесом»: мы располагаем обширной рецензией, в которой дана еще одна, третья, точка зрения на произведение писателя и на то, как его творчество должно было быть подано советскому читателю [Тимофеев 1934].

Каким же получилось издание «Мелкого беса», выпущенное в 1933 году (в следующий раз в советской России это произойдет спустя 25 лет)? Книга была сдана в набор 19 января 1933 года, 14 октября – подписана к печати (тираж – вполне обычный для издательства – 3500 экземпляров). На титуле указано: подготовил к печати А. Л. Дымшиц, предисловие Ореста Цехновицера. Помимо самого текста романа (с предисловиями автора ко второму, пятому и седьмому изданиям, а также «диалогом» к седьмому изданию) в книгу был включен раздел «Варианты». Однако изначально состав тома планировался иной.

Во-первых, в него должны были войти подготовленная А. Л. Дымшицем статья «Максим Горький и Федор Сологуб» и эпизоды из романа, опубликованные Сологубом отдельно в газете «Речь» в 1912 году. В этих фрагментах о литераторах Тургеневе и Шарике современники видели сатиру на Горького и Скитальца. 28 декабря 1932 года исполняющий обязанности заведующего издательством «Academia» И. Е. Гершензон спрашивал, не возражает ли Горький против их помещения в издании. Горький против не был, о чем сообщал в ответном письме 7 января 1933 года [Горький 2019: 282–283]. Текст этого фрагмента с предисловием к нему сохранился в фонде «Academia» в РГАЛИ [Дымшиц 1932: 73–130]².

Во-вторых, есть основания предполагать, что находящаяся в этой же единице хранения и ранее не привлекавшая внимания статья Дымшица «“Мелкий бес” в творчестве Ф. Сологуба» с датировкой в конце текста: «Ноябрь 1932 г.» [Дымшиц 1932: 1–72] должна была стать вступительной статьей для тома. В пользу того, что она должна была

предварять текст, говорит не только ее датировка, но и формулировка, относящаяся к помещенным в книге дополнениям и вариантам романа: «...впервые публикуются нами в приложениях» [Там же: 41]. То есть текст Дымшица был заменен работой Цехновицера за очень короткое время: ноябрь 1932-го – 19 января 1933 года.

У нас нет документов – протоколов обсуждений, переписки, даже договоров, которые позволили бы пролить свет на то, по каким причинам предисловие Дымшица не было использовано издательством, но есть возможность сопоставить два текста, чтобы понять, что же помешало первоначальному проекту.

А. Л. Дымшиц (1910–1975) в период подготовки книги – уже сотрудник Пушкинского Дома (с 1930) [Пушкинский Дом 2005: 440], затем – аспирант Ленинградского педагогического института (с 1933) и, по выражению Э. Вайсбанда, «начинал карьеру партийного функционера от литературоведения» [Вайсбанд 2017: 41]. Чуть позже противоречивая фигура Дымшица проявится как в критике подготовленных другими исследователями изданий дореволюционных писателей, так и в книгах, составленных им самим. Одной из тем ученого была литература XX века, в частности поэзия В. Маяковского [Дружинин 2012; Вайсбанд 2017], а в 1970-х годах им был подготовлен том О. Мандельштама в серии «Библиотека поэта» [Эткинд 2001].

Вступительная статья к роману «Мелкий бес» была задачей повышенной сложности для двадцатидвухлетнего филолога, вооруженного марксистским методом литературоведения, учитывая, что Ф. Сологуб был «не изучен, и мало изучена его литературная эпоха» [Дымшиц 1932: 4]. И Дымшиц основательно подошел к делу. В своей обширной статье (объем текста – более двух печатных листов) Дымшиц цитирует большое количество архивных материалов, которые были доступны ему в фонде Сологуба: малоизвестные или неопубликованные произведения (собрание афоризмов, статьи «Книга воли», «Полицейская школа») и письма (в том числе черновики).

Работа состоит из 9 главок. В эпитафии к шести из них выбраны были цитаты из произведений А. Блока («Возмездие»), Горького («Жизнь Клим Самгина»: «Она взяла с дивана книгу <...> погляди, как строго-реалистически говорит символист»), Лермонтова («Сказка для детей»: «То был ли сам великий Сатана, / Иль мелкий бес из самых нечистых... <...>») и три – из самого Сологуба: первое четверостишие стихотворения «Преодолев тяжелое косненье...» (1901), начало романа «Творимая легенда», которое часто выступает в качестве описания творческого метода писателя, и собственно из «Мелкого беса». В тексте упоминаются или цитируются Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Волынский, Вяч. Иванов, Н. М. Минский, А. Белый, из критиков В. Боцяновский, Ю. Спасский, Г. Чулков, Ан. Чеботаревская и др. В статье говорится об истории публикации, переводе романа Дж. Курносом на английский язык, восприятию романа критикой и зарубежным читателем.

¹ Которые помещались во всех прижизненных изданиях романа, в том числе в 1923 и 1926 годах.

² Эта часть истории подробно изучена, см.: [Никитина 1989; Павлова 2004].

Зачин статьи еще не предвещает марксистского осмысления романа (за исключением лексикой), а вводит читателя в проблему, которую ставит перед исследователем сам текст и его история: «Мелкий бес» – бесспорно лучшая вещь Ф. Сологуба-прозаика. Этот роман, выдержавший в России десять отдельных изданий, неоднократно переделывавшийся для сцены и шедший во многих столичных и провинциальных театрах, переведенный на большинство европейских и на ряд восточных языков, явившийся результатом десятилетнего упорного труда Сологуба, плодом тщательной и кропотливой художественной отделки, – уже давно причислен к ряду первоклассных произведений русской дореволюционной литературы¹. <...> Роман Ф. Сологуба – долгое время неразгаданный критикой, еще раньше, до своего появления вызвавший недоумение издателей, в большинстве своем отказавшихся его печатать, – оказался на деле вещь настолько острой и в чисто политическом и в литературном отношении, что вокруг многих страниц и по сей день возможна дискуссия. Нет поэтому ничего удивительного в том, что современная ему критика в основной своей массе не оказалась на высоте, не дала подробного и четкого его анализа» [Дымшиц 1932: 2–4]. Заметно, что исследователь выбрал для себя эстетический критерий оценки, объясняя беспомощность критиков не их классовую сущность, а художественным мастерством писателя, тем, что роман оказался шедевром, который невозможно «прочитать до конца».

Последний абзац главы, где Дымшиц формулирует задачу своей работы, на наш взгляд, не оставляет сомнений, что перед нами «специальный» текст, выполненный в русле заданного метода, но и здесь автор снова объясняет ценность работы самим материалом, которым, по всей видимости, увлекся: «Задачей настоящей вводной статьи и является <...> схематическое (в силу небольшого объема работы) разъяснение социально-классовой сущности сологубовского творчества, определение места и роли «Мелкого беса» в системе этого творчества и рассказ о работе писателя над своим романом, о встрече его с критикой – русской и иностранной, и об идейно-творческом характере новонайденных страниц «Мелкого беса», обнаруженных <...> в результате текстологического изучения его рукописного подлинника» [Там же: 4].

Далее текст строится по плану решения декларируемой задачи – рассмотрено время, когда «началась «смертная» эпоха восьмидесятничества, эпоха смертельного разложения народничества и внешнего торжества дворянско-антикапиталистической реакции» [Там же: 4–6], – и в литературу входит Сологуб. Несмотря на происхождение из демократической среды и «трудоу путь» (традиционно подчеркнутые в статье), творческие искания Сологуба были предрешены, так как его «вскормила и воспитала» «идеология реформистской мелкой буржуазии эпохи восьмидесятых годов, с характер-

ными для нее мотивами разочарования в борьбе с существующим строем и с воцарившейся вокруг реакцией, и стремления уйти от действительности» [Там же: 9]. Эти «общественные «идеалы»» отразились уже в стихотворении «Я ждал, что вспыхнет впереди...», написанном «в тот самый год, когда писатель приступил к созданию «Мелкого беса»» [Там же: 10], а затем и в тексте «Мы устали преследовать цели...» (1894), иллюстрирующем, что «на смену утверждения необходимости преобразования России приходит отказ от самой жизни» [Там же: 11].

Так логично объясняется появление в творчестве Сологуба темы смерти, ухода от реальности, которым оказываются противопоставлены мотивы любви и красоты, «расцветивающие мир «творимой легенды»» и проявляющиеся в утопических тенденциях, к примеру, в стихотворениях, где встречаются страна Ойле, звезда Маир, река Лигой (цитируется стихотворение «Не я воздвиг ограду...», 1901), и которые находят более четкое выражение в прозаических произведениях и во всей полноте – в романе «Творимая легенда» [Там же: 13–14].

Кажется, истоки творчества найдены и названы, все пояснено и можно переходить к анализу романа, но Дымшиц обращается еще к одному контексту – западноевропейскому декадансу. И здесь автор видит, что иного пути развития у Сологуба не было – он «родился декадентом» [Там же: 22], потому что «социальный генезис большинства западноевропейских декадентов аналогичен установленным выше классовым истокам творчества Ф. Сологуба» [Там же: 16]. В своем разделении декадентов и символистов Дымшиц опирается на статью Г. Чулкова «Дымный ладан» (1909), где основными чертами декадентов названы крайний индивидуализм, символизм («на его ранней реалистической стадии развития», по уточнению Дымшица), изысканная эротика. К чулковскому списку авторов, чье творчество отвечает этим признакам (Бодлера, Верлена, Рембо, Малларме, Вьелле-Гриффена, Метерлинка, Роденбаха, Анри-де-Ренья, Эдгара По, Уайльда, Д'Аннуцио, Пшибышевского, Яна Каспаровича), Дымшиц добавляет русских поэтов: «...Ф. Сологуб войдет в него <в список. – В. Ф.> целиком, и частично занесенными сюда окажутся К. Бальмонт, В. Брюсов и многие другие, менее значительные писатели» [Дымшиц 1932: 19–20]. В этой «своеобразной переключке между творчеством западных декадентов и единственного русского представителя декаданса» решающую роль сыграла «не механически воспринятая литературная традиция, а общность классовых почв и классовых принадлежности» [Там же: 22]. Цитируя Роденбаха, Бодлера, Пшибышевского и Мирбо, исследователь говорит, что высказывания Сологуба совпадают с ними настолько, что «неискушенный читатель может заподозрить здесь даже плагиат» [Там же: 20]. Этот «идейный стык с культурой западного декаданса», естественно, был скорректирован тематически – и связан с вопросами русской действительности, «специфическими условиями, порожденными классовым борьбой в России империализма и пролетарской револю-

¹ Первоначальный вариант «коренная» был заменен на «лучшая», а «классической» на «дореволюционной».

ции» [Там же: 22].

Следующая подглавка посвящена пояснению понятия крайнего индивидуализма, с отсылкой уже к другой статье Чулкова – «Фауст и Мелкий бес», где Сологуб был назван «единственным подлинным русским декадентом»¹. В интерпретации Дымшица индивидуализм – «стержневая основа всего мировоззрения Ф. Сологуба, всей его философии и художественного метода его произведений», а его субъективизм – «крайняя форма индивидуализма <...> солипсизма». Для иллюстрации этого положения была приведена первая часть неопубликованного текста Сологуба под заглавием «Книга воли» (1904), где, по мнению Дымшица, отразилась «почти вся мировоззренческая программа Ф. Сологуба», которая «неизменно “спрятана” во всех больших произведениях Ф. Сологуба и она же в распыленных своих элементах постоянно присутствует в его лирических стихах» [Дымшиц 1932: 26].

Упоминает Дымшиц и еще одну черту творчества Сологуба – «полосатость», которую «метко охарактеризовал» в своих статьях о писателе К. Чуковский, а Дымшиц видит в этом «своеобразно преломленное Ф. Сологубом философское наследие классического идеализма А. Шопенгауэра, Ф. Нитцше, М. Штирнера и др.» [Там же: 28–29].

Далее исследователь наконец переходит к истолкованию романа. Определяя особенности поэтики Сологуба, он отталкивается от эпитафии к «Творимой легенде» («Беру кусок жизни...») и утверждает, что «эти же слова, хотя и с меньшим правом, чем в “Творимой легенде”, он <Сологуб. – В. Ф.> мог бы написать в эпитафии к “Мелкому бесу» [Там же: 30], ведь во втором романе писателя «“кошмар реальности” еще не поставлен лицом к лицу с фантастической и сладостной утопией», как в более позднем произведении [Там же: 31].

Дымшиц указывает на неоднократные в критике сравнения Сологуба с Гоголем, «сходность идеологических предпосылок» которых снова, по объяснению исследователя, выросла из особенностей «русского исторического процесса», и в своих рассуждениях приводит примечательное наблюдение: «Очень многие хотели видеть в “Мелком бесе” сатиру. Но это неверно, ибо для сатиры у писателя-реформиста, каким был Ф. Сологуб, не хватило силы обличения и разоблачения. Для Ф. Сологуба “Мелкий бес” скорее всего трагедия. Трагедия бескрылой индивидуальности, не способной подняться до вымышленных идеалов и обреченной на гибель в роковом кругу пошлой обыденности, порожденной социальным строем. Такое толкование как бы подсказывается самим Ф. Сологубом, который передельная свой роман для сцены, тем самым значительно схематизируя и обнажая “механизм” романа, окончил пьесу знаменательной фразой: “Господа, здесь произошла трагедия! Зовите городского!”» [Там же: 34–35]. Истолковывая так эту сцену, Дымшиц дает свою интерпретацию, не замечая иронического (или даже самоиронического-

го) характера этой отсылки к «Ревизору», и допускает первую ошибку относительно главной тенденции советского прочтения текстов модерниста. Рецензент тома поставил бы это Дымшицу в вину. Вот какую точку зрения высказывал критик относительно статьи Цехновицера, где вопрос о сатирической сущности романа не поднимался вовсе: «“Мелкий бес”, несомненно, сатирическое произведение (это в особенности необходимо подчеркнуть потому, что этого-то “слона” не заметил автор предисловия, что не могло не отразиться на всей его трактовке <...>). <...> Понять “Мелкого беса” – значит осмыслить его направленность, вскрыть ее глубокую ограниченность, определить ее исторический смысл» [Тимофеев 1934: 82].

«Ошибка», т. е. отступлением от «щитовой» стратегии, могли показаться и рассуждения, высказанные при сопоставлении с «Творимой легендой»: то, что «Ф. Сологуб не дал места среди своих персонажей представительству от революционной демократии», Дымшиц называет «плюсом» романа, потому что их изображение проявило бы «отсутствие понимания автором людей революции»², а порой и прямую его к ним враждебность» [Дымшиц 1932: 38–39].

Хотя тема революции в «Мелком бесе» не затрагивается, в романе есть другой сложный момент – эротизм. Сологубу-«проповеднику “эротомании”» оказалась посвящена отдельная глава. Здесь цитируются «одно из наиболее декадентских <...> стихотворений», в котором «в сконцентрированном виде» проявились «ярко аморальные черты декаданса», – «Расстегни свои застёжки и завязки развяжи...» (1908), «Мы скоро с тобою...» (1898), а также афоризмы («Люби наготу, – только она прекрасна», «Нагое тело свято; одетое грязно. Ибо одежда – покров для грязи», «Всего приятнее – сочетание стыда и боли» и др.) [Там же: 44–45]. Более того, говорится, что у Сологуба и особенно в романе, где секут «почти что в каждой главе», «культ нагого тела и розги сделался одним из самых ярких моментов позитивной программы» писателя. Но утопия не получается, потому что, как развенчивает эту идею Дымшиц, у Саши Пыльниковой и Людмилы только «иллюзия индивидуальной свободы», а замена «форм грубых и жестоких» «изысканными и извращенными» подменяет красоту и искусство «дешевым реставраторством и стилизаторством» [Там же: 48–49]. Сологубу не

² Это, пожалуй, одна из главных причин, почему весь Сологуб не должен был быть публикуем. Ср. обвинение Сологуба, сформулированное в одном из некрологов писателю: «...самое позорное в творчестве Федора Сологуба это то, что он – *походя* – оплевал и унижил лицо русской революции. Его Триодов, алхимик, мистик и полусумасшедший маньяк, его Алкина, разнузданная, развратная, гнусная в этом своем разврате женщина, – это, как верно отмечала марксистская критика, злостная клевета на революцию. <...> именно в том, что Федор Сологуб сделал носителями своих идей, носителями своего бреда – людей, якобы, причастных к революции, к социал-демократии, вот именно в этом его отрицательное значение, именно в этом его *злостная ошибка*» (Штейман Зел. Федор Сологуб: [Некролог] // Красная газета (веч. вып.). 1927. 6 дек. № 328. С. 2).

¹ Впервые: Речь. 1908. № 301. 8 дек.

удается выстроить мир мечты, в который можно сбежать от действительности, что доказывают в том числе фрагменты, помещенные в вариантах: «...если к общеизвестному тексту “Мелкого беса” прибавить новонайденные главы, то порка покажется наиболее повседневным занятием в сфере передонощины» [Там же: 46].

Новонайденные главы, о которых пишет Дымшиц, – это 13 отрывков, помещенных в разделе «Варианты». Как сообщалось в примечании от редактора, они «составляют лишь часть дополнений и разночтений, выявленных <...> сверкой печатного текста “Мелкого беса” с текстом рукописным, хранящимся в Институте русской литературы Академии Наук СССР, в архиве Ф. К. Сологуба». Тематика их не оговаривалась, а отбор был прокомментирован так: «Здесь нами даются лишь те впервые публикуемые материалы романа, которые имеют характер законченных эпизодов – глав, или, будучи лишь вариантами известного ранее текста, дают дополнительные данные для социологического понимания произведения и его персонажей» [Сологуб 1933: 419].

В современной книге рецензий они оценены так: «Подобраны отрывки со сценами порки различных персонажей. В каком отношении эта операция подлежит социологическому осмыслению, редакцией не указано. В то же время не дано творческих вариантов, которые позволили бы проследить работу Сологуба над словом, эпитетом, метафорой и т. п. А Сологуб своеобразный мастер, и материал этот был бы любопытен тем более, что ждать других его изданий не приходится» [Тимофеев 1934: 84].

Между тем их выбор Дымшиц объяснял в своем, оставшемся ненапечатанным, предисловии: «В “Мелком бесе” кровь и убийство не занимают видного места и являются лишь плодом передононского безумия. Но предчувствие и подготовка будущих кровавых драм и погромов <...> живет и постоянно шевелится <...> в дикой животной сцене “раздевания” и избития одетого Гейшей Саши Пыльникова на маскараде, в той страсти к истязаниям и в том “трепетном волнении” перед запахом крови, особо подчеркнутыми в характерах персонажей из передононского круга теми дополнениями и вариантами романа, которые впервые публикуются нами в приложениях» [Дымшиц 1932: 40–41].

В интерпретации образов и недотыкомки Дымшиц опирается на общие, выведенные им, представления о поэтике Сологуба. Он утверждает, что Сологубом «ясно и недвусмысленно» дано «вскрытие образа Недотыкомки» [Там же: 52]. Согласно идее писателя, Передонов не может достичь истины, это может сделать только индивидуалист, так как истина «субъективна, она выражает идеальные представления ищущего субъекта, является отражением его сознания», а герой Сологуба «ищет истину бессознательным путем и потому же не может воплотить ее в систему взглядов»: «Однажды ее элементы, выведенные из его собственных обрывочных представлений, промелькнули перед его отуманенным сознанием в качестве по-

буждения к поджогу, и он учинил пожар. В другой раз то же явление толкнуло его в сторону убийства. Наступило сумасшествие, и Недотыкомка покинула его воспаленное воображение <...> Самый замысел Недотыкомки говорит о том, что тенденция к оправданию Передонова дана Ф. Сологубом еще в самом романе» [Там же: 55].

Подводя к финалу и рассуждая о секрете «такого длительного непризнания “Мелкого беса” и затем такой неожиданной и внезапной <...> популярности» этой «в высокой степени новаторской» книги, а также о встрече с «частичным непониманием и частичным непризнанием» в среде символистов, Дымшиц останавливается на статье Андрея Белого «Далай-Лама из Сапожка» и последовавших за ее публикацией событиях. Сологуб был задет полемическими высказываниями, написал об этом Брюсову, от которого об обиде узнал и Белый, после чего отправил письмо с разъяснениями автору «Мелкого беса»: «...я обязан обнажить за “свое” меч: этим мечом в литературе служит “отговор”». Эту формулировку Дымшиц использует для завершения текста: «В наше время место идеалистического “отговора” властно заступила революционная ленинская теория о партийности литературы, беспощадно разоблачающая реакционный “наговор”. Именно поэтому советский читатель, подходящий к наследию буржуазного искусства с позиций марксистско-ленинской науки о литературе, должен сопрягать историко-социологический анализ творчества писателя (в данном случае Ф. Сологуба) с критическим усвоением лучших элементов его произведения и революционным “отговором” против его отрицательных черт» [Там же: 71–72].

Что же касается упоминаемой нами цитаты из речи Ленина, то хотя ее мы не нашли бы в статье Дымшица, будь она помещена в издание, однако стоит сказать, что созвучная фраза была вычеркнута автором на этапе редактирования: «Грязный и зловещный мир, в центре которого поставлена угрюмая фигура учителя гимназии, полубезумного Ардалиона Передонова, – это мир житейской необходимости <...> И в изображении этого мира, сделанном с исключительным художественным мастерством, центр тяжести и сила романа Ф. Сологуба, его острый интерес для нашего современника, для человека, живущего в эпоху великого Октября, не знающего классового угнетения [и знакомящегося с русским историческим прошлым по специальным исследованиям или памятникам искусства, среди которых роман Ф. Сологуба является одним из драгоценнейших образцов]» [Там же: 32]. Вероятно, эта формула к тому времени широко использовалась и была в памяти писавшего.

В статье есть и другое упоминание «марксистско-ленинской теории» (на л. 7), но высказывание Ленина о типе Передонова, получившее впоследствии широкое распространение (упоминаемое, в частности, в статье в Большой советской энциклопедии¹), Дымшиц не использует. В это время и в

¹ Ср.: «Сологубу удалось показать некоторые черты дореволюционного провинциального мещанского быта. Особенно ярко

этом жанре он не считал необходимым (или не знал о такой необходимости) следовать политической конъюнктуре.

Статья Дымшица, в которой помимо марксистско-ленинской интерпретации есть и восхищение романом, и выстроенная теория, не вошла в издание. Написал предисловие более опытный его коллега, совсем иначе подошедший к своей задаче, О. В. Цехновицер (1899–1941). К тому времени он уже окончил аспирантуру и, сменив несколько мест работы, устроился в Пушкинский Дом (в марте 1932 года), где руководил секцией «Литература эпохи империализма и пролетарской революции» [Пушкинский Дом 2005: 541].

Его текст в два раза меньше статьи Дымшица – объемом менее 1 авторского листа, что соответствовало рекомендациям издательства. О большей искусственности исследователя говорит уже самое начало статьи: текст предваряется эпиграфом «Внуки наши...», а далее следует цитата из письма Сологуба Ленину (по черновику из фонда писателя), где он «ходатайствовал перед советским правительством о выезде за границу»: «...И по происхождению и по работе я – член трудового народа; сын портного и прачки, я 25 лет был учителем гор[одского] уч[илища], написал 20 том[ов] художественных произведений и имею не меньшее количество вещей, не вошедших в собрание сочинений... Я не имею намерения заниматься политикой, т. к. считаю это слишком ответственным и сложным делом, – я никогда не состоял ни в какой партии» [Цехновицер 1933: 5]. Но приведя эти строки, Цехновицер «вскрывает», какова на самом деле была позиция Сологуба по отношению к революции и пролетариату, основываясь на стихотворениях и неопубликованной статье «Что делать?», созданных около 1917 года и после Октябрьской революции.

Цитирование неопубликованных к тому моменту стихов Сологуба 1920-х годов было очень полезно для положения, в котором тексты не публиковались, автор предисловия как бы проносил их читателю контрабандой¹. Однако если Дымшиц в этом случае обращается к текстам, которые помогают проиллюстрировать его наблюдения над поэтикой и мировоззрением писателя, то Цехновицер использует по преимуществу те произведения, где отражается политическая позиция Сологуба – его монархические взгляды и неприятие советского строя: «Какое б ни было правительство...», «Поэт, ты должен быть бесстрастным...», «Муза, как ты

истомилась...» и, наконец, стихотворение, в котором «Сологуб сбрасывает с себя маску аполитичности и выявляет сполна свое подлинное лицо монархиста», – «Еще гудят колокола...» [Цехновицер 1933: 7–9]. Критик не оценил этот прием автора и назвал архивный материал, представленный в статье, «любопытным», но заметил, что комментарий к нему «крайне беден» [Тимофеев 1934: 84].

Мы не встретим в статье Цехновицера ни истории публикации, ни европейского контекста, ни указания на переводы романа. Круг имен, которые названы в статье, ограничен: здесь не упоминаются не только Мережковский и Гиппиус, но даже Андрей Белый. Единственные, с кем сравнивается Сологуб из писателей начала века, это его «собратья по “Лукоморью” и “Русской воле”» – Андреев, Куприн, Бунин, успевшие «вовремя эмигрировать» [Цехновицер 1933: 7].

Противопоставлены декаденту оказываются Салтыков, Чехов и Горький, которых отличают любовь к человеку и «вера в завтрашний день», Сологуб же не сумел «поднять свой голос в целях революционного обличительства» [Там же: 22]. Его путь, скорее, – это путь Гоголя, перед которым «стоял лишь один вопрос: “Как бы бежать из России”», Тургенева, который «оттолкнулся от “всех и вся” и, замкнувшись в парижской квартире Виардо, создал “прекрасную сказку” о русском мужичке», и Толстого, который видел в человеке «жертву и виновника ужасного общественного строя и не имел веры в возможность преобразования жизни путем революции на иной социальной основе» [Там же: 23–24]². И здесь же приводит характерный для мизантропического образа писателя, рисуемого в статье, афоризм Сологуба: «Людей на земле слишком много; давно пора истребить лишнюю сволочь» [Там же: 22].

Текст Цехновицера насыщен политической терминологией, резкими суждениями, порой грубой лексикой, не оставляет сомнений относительно «лица» Сологуба и по строению больше похож на методические выступления лектора ЛИТО Наркомпроса, Губполитпросвета (кем и был раньше Цехновицер), чем на предисловие к научному изданию.

Во взгляде на Передонова, чье «имя стало нарицательным для выражения тупости, злобности и мертвенности русского обывателя» [Там же: 13], пропадает тема безумия, которая, возможно, мешала бы четкой трактовке героя как социального типа, отражающего свой класс.

созданный им в “Мелком бесе” тип Передонова – пошляка, мелкого пакостника, труса и доносчика. Имя Передонова стало нарицательным. Его использовал В. И. Ленин в статье “К вопросу о политике министерства народного просвещения” (Большая советская энциклопедия. М., 1947. Т. 52. С. 68).

¹ Здесь позволим себе привести в параллель зафиксированное Е. Эткиндо суждение Дымшица 1970-х годов, содержащее самооправдание за искаженное толкование Мандельштама в ущерб читателю: «Знаю, знаю, что стихотворение “За гремучую доблесть...” я изложил неверно. Но ведь его удалось опубликовать. <...> Я добился его опубликования <...> ...и стихов Мандельштама никто бы не увидел. А я их напечатал» [Эткинд 2001: 394].

² Примечательно, что в этом списке нет Достоевского, хотя в двух планах работы, которые могут относиться к этому предисловию и сохранились в рабочих материалах Цехновицера, он указан. См.: «План. 1. Запад; 2. Гоголь, Достоевский. Связь с рус. литер. Салтыков. Распад этой линии. Худож. большой. Статья Дымшица. Окуровская Россия. Стихи Гиппиус. 3. Ленин – “Мелкий Бес”. 4.» (ИРЛИ. Ф. 841. № 3. Л. 90; фонд находится в научно-технической обработке). «Дымшиц. 1. “Мелкий Бес” – не реал-истический»; 2. Традиции – Гоголь, Достоевский; 3. Сологуб как теоретик. “Проблемы философии”. – Философия и эстетика. Театр – Балаганчик; 4. Почему Ленин упом-инает “Мелкий Бес”; 5. Реализм Сологуба» (Там же. Л. 42 об.).

Укажем здесь, что в рецензии Л. Тимофеева цитаты из сочинений Ленина использованы шире: «...неслучайно В. И. Ленин, характеризуя казенщину и самодурство, господствовавшие в царской школе, не раз пользуется образом Передонова и “передоновщины”» [Тимофеев 1934: 83]¹. Помимо этого, Тимофеев придумывает еще один термин – «сологубовщина»: «Особенно странно, что автор вступительной статьи ни одним словом не обмолвился о том, что сологубовщина как социальное явление встретила в свое время достойный отпор со стороны большевистской критики, получив в статьях В. Воровского и сборниках “Литературный распад” исчерпывающую политическую и литературную оценку» [Там же: 84].

Под статью Передонова дана и трактовка недотыкомки: «...если ко времени начала ее (буржуазии. – В. Ф.) пути встает перед нами образ Фауста, то на закате перед нами – Передонов <...> его смущает не дух отрицания – Мефистофель, а серая вонючая Недотыкомка – жалкий, ничтожный, серенький бес провинциальной дрянности и пошлости» [Цехновицер 1934: 13]. Примечательно, что обращаясь здесь к той же цитате из «Сказки для детей», которую Дымшиц вывел в эпиграф, Цехновицер использует ее для трактовки эволюции «образа <...> лукавого и мудрого искусителя», который «был Сатаной для Лермонтова и стал вонючей Недотыкомкой для Сологуба» [Там же: 14].

Эротическая тема упоминается в тексте статьи вскользь и характеризуется коротко; сказано, что она идет рядом с темой смерти, что «характерно для декадентской философии», с ними же «идет тема искусственно созданного в воображении “поэта” мира. Мрачной, бессмысленной жизни Сологуб противопоставляет жизнь эстетическую, осмысленную культом тела и красоты. Вопрос о людских страданиях он покрывает идеей вымышленного мира, создает “творимую легенду”» [Там же: 25]. Далее следует пассаж, где мог быть представлен анализ, но его сразу замещает оценка: «Весь эротический эпизод с Людмилой немошен в своей эстетической замкнутости и разоблачает целиком всю гнилостность разложения буржуазного сознания» [Там же: 26].

Это единственное место в статье Цехновицера, где третий роман Сологуба вообще назван, пусть и в нарицательном значении. Отсутствие сопоставления с «Творимой легендой» отметил и рецензент: в предисловии «не сделано никаких указаний на другие романы Сологуба, даже на близкие к “Мелкому бесу”. Библиографический минимум в таких изданиях безусловно необхо-

дим» [Тимофеев 1934: 84].

В конце статьи внимание уделено и читателю-«современнику великих побед революционного пролетариата», который *должен* понять, зачем публиковать роман: «Мы отмечаем в сторону Сологуба-мистика, индивидуалиста, певца Альдонсы – солипсической мечты эстетического одиночки, а берем Сологуба – автора “Мелкого беса”, мастера одного из наиболее ярких и точнейших зеркал, запечатлевшего на своей поверхности все убожество и несовершенство старого мира и его обитателей», потому что роман «вызывает в нас чувство гнева и ненависти к уродливости старой жизни» [Цехновицер 1933: 28].

В самом финале статьи композиция закольцовывается – в последней фразе содержится перифраз эпиграфа из Ленина: «После Октябрьской революции Сологуб однажды бросил следующую мысль: “Хотя я называю нас, символистов, идеологами буржуазии, но, очевидно, не от буржуазииждемся мы признания, а от демократии”. Действительно “признание” Сологуб должен получить от демократии. Мы должны сполна оценить его роман “Мелкий бес” как яркий документ старого мира, в котором с художественной силой устами самого представителя этого мира обнажен он и отвергнут» [Там же].

Хотя статья Цехновицера и увидела свет в отличие от работы Дымшица, но она вызвала серьезные упреки рецензента, который не просто указывает на недостатки, но, более того, утверждает, что «было бы глупой ошибкой повторить вслед за предисловием – будто роман Сологуба “запечатлел всю тяжесть, всю тупость и ограниченность российской жизни 80-х годов”, “познал окурковскую Россию и ее обитателей”» [Тимофеев 1934: 84]. По мнению Тимофеева, Цехновицер не только «просмотрел и сатиричность романа и ограниченность этой сатиры», но и допустил «преувеличенно высокую оценку романа (“Одно из выдающихся произведений русской литературы...”, <...>)» [Там же].

Однако на первый план в отзыве вышла критика работы «Academia»: текст открывается обращением к статье Каменева о тематическом плане издательства из «Литературной газеты» и завершается утверждением, что «критическое осмысление художественных памятников прошлого, культура обработки текстов издательством “Academia” должны быть повышены» [Тимофеев 1934: 84].

Апелляция к словам Каменева только подтверждает для Тимофеева, что публикация книг с недостаточными, ошибочными предисловиями принимает в издательстве «хронический характер». И если «Сологуб ограничивался лишь изолированным показом Передонова, не вскрывал его классового смысла», то «Academia», «выпуская произведение явно (а отнюдь не “зачаточно”) реакционное, не только не “сразилось” с ним “на его собственной почве” (о “Бесах” Достоевского. – В. Ф.), но и вообще не позаботилось придать ему, пользуясь выражением Л. Б. Каменева, достойный характер» [Тимофеев 1934: 84].

Таким получилось первое критическое издание

¹ Отметим, что в работах Ленина упоминание Передонова и передоновщины встречается по одному разу – в текстах 1913 года: в речи «К вопросу о политике Министерства народного просвещения», где к «заслуженнейшему Передонову» сделано такое примечание: «Передонов – тип учителя шпиона и тупицы в романе Сологуба “Мелкий бес”» [Ленин 1973, т. 23: 132]; в статье «Национальный состав учащихся в русской школе»: «При действительной демократии, при полном изгнании бюрократизма и “передоновщины” из школы, этого вполне может добиться население» [Ленин 1973, т. 24: 221].

романа «Мелкий бес», подготовленное с использованием архивных материалов. Дымшиц больше не возвращался к творчеству Сологуба, а Цехновицеру поручили подготовить том его «Стихотворений» для малой серии «Библиотеки поэта» (1939).

После знакомства с рецензией Тимофеева возникает сомнение, возможно ли было вообще написать подходящую вступительную статью, учитывая нежелательность фигуры Сологуба, которого при жизни нельзя было совсем обойти вниманием, и его все-таки иногда печатали, а после кончины и вовсе отпала необходимость публиковать его тексты. Появление романа не принявшего революцию и «чуждого советской власти» писателя больше похоже на случайность, которая только закрепила нежелательный статус автора для советского книгоиздания.

Говоря же о причинах, по которым статья Дымшица не попала в книгу, можно назвать прежде всего ее близость жанру исследования, которое не только объемом, но и своей интонацией уже не подходило становящемуся жанру предисловия советских изданий 1930-х годов. На это указывает даже сопоставление начала его статьи с текстом Цехновицера. Дымшиц еще пытался разобраться в поэтике Сологуба, пусть и объясняя генезис его творчества историческими и социальными факторами. Показательны цитаты из архивных документов, которые Дымшиц использовал для иллюстрации единства творчества писателя и анализа его мировоззрения, в то время как приводимые Цехновицером тексты призваны были обличать фигуру Сологуба, показывая ненависть декадента к советской власти. Однозначно можно сказать только, что статья Дымшица не вызвала бы большей сим-

патии критика, а наоборот, усугубила бы и так шаткое положение издательства «Academia» в 1930-е годы.

В заключение скажем о следующем советском издании романа, вышедшем лишь в оттепельном 1958 году в Кемеровском книжном издательстве. При относительно большом тираже – 75 000 экземпляров – книга была подготовлена небрежно, с опечатками – пропущенными знаками и буквами: «...смородины, малины крыжовника», «...увидела испачканные оби и пронзительно засвистала» и т. п. [Сологуб 1958: 7, 23]. В томе не было помещено ни одно из предисловий автора, также отсутствуют комментарии, варианты и вступительная статья. Место последней заняло небольшое предупреждение на обороте титульного листа, резюмирующее, как представляется, официальную репутацию Сологуба в советское время и завершающееся тем же «удачным» пояснением, которое «разрешает» публикацию: «Федор Сологуб (1863–1927 г.) – один из представителей антинародного течения русской литературы – символизма. Оторвавшись от народа, Сологуб выступал против всего прогрессивного, революционного. Писатель не изменил своих реакционных взглядов после Февральской революции, не принял Октября.

Роман «Мелкий бес» (1902 г.) занимает особое место в творчестве Сологуба. Писатель мастерски показал загнивание уходящего буржуазно-дворянского общества конца XIX столетия.

Для советского читателя, занятого бурной созидательной деятельностью, «Мелкий бес» явится документом и памятником капиталистического строя, на который, как говорил В. И. Ленин, наши внуки будут смотреть как на диковинку».

Источники

Дымшиц, А. Л. «Мелкий бес» в творчестве Ф. Сологуба. Максим Горький и Федор Сологуб (1932) / А. Л. Дымшиц // РГАЛИ. – Ф. 629. – Оп. 1. – № 1479. – Л. 1–130.

Литература

Вайсбанд, Э. В борьбе за переписывание идеологии русского футуризма: младоформалисты, «некий А. Дымшиц» и Гулливер о военных статьях Маяковского / Э. Вайсбанд // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 1 (143). – С. 32–53.

Горький, М. О перспективном пятилетнем плане издания классиков в связи с замечаниями Н. К. Крупской 20... 21 сентября 1928 года / М. Горький // М. Горький и советская печать : в 2 т. Т. 1. – М. : Наука, 1964. – (Архив А. М. Горького. Т. 10).

Горький, М. Письма : в 24 т. Т. 21 / М. Горький. – М. : Наука, 2019. – 1014 с.

Дружинин, П. «Одна абсолютно обглоданная кость»: История защиты А. Л. Дымшицем докторской диссертации / П. Дружинин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 3 (115). – С. 124–147.

Иванова, Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк / Т. Г. Иванова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 444 с.

Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910–1927) / вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Федор Сологуб: разыскания и материалы. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – С. 438–514.

Каменев, Л. Б. Предисловие к мемуарам Андрея Белого «Начало века» / Л. Б. Каменев // Смерть Андрея Белого (1880–1934) : сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 184–197.

Каталог изданий 1929–1933 с приложением плана изданий на трехлетие 1933–1935 / предисловие Л. Б. Каменева. – М. ; Л. : Academia, 1932. – 76 с.

Лавров, А. В. Андрей Белый под советским щитом / А. В. Лавров // Пространство безграничной словесности. – СПб. : Нестор-история, 2021.

- Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 23. – 596 с.; Т. 24. – 568 с.
- Никитина, М. Горький и Ф. Сологуб (к истории отношений) / М. Никитина // Горький и его эпоха: исследования и материалы. Вып. 1. – М. : Наука, 1989. – С. 185–203.
- Павлова, М. М. Ранняя редакция романа «Мелкий бес»: «Смертяшкин» против «Шарика» / М. М. Павлова // Сологуб Ф. Мелкий бес / изд. подгот. М. М. Павлова. – М. : Наука, 2004. – С. 722–743. – (сер. «Литературные памятники»).
- Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005 / гл. ред. Н. Н. Скатов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – 600 с.
- Сологуб, Ф. Мелкий бес / Ф. Сологуб ; подгот. текста А. Л. Дымшица ; предисловие О. В. Цехновицера. – М. ; Л. : Academia, 1933. – 441 с.
- Сологуб, Ф. Мелкий бес / Ф. Сологуб. – Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1958. – 274 с.
- Тимофеев, Л. Очередная неудача / Л. Тимофеев // Книга и пролетарская революция. – 1934. – № 3. – С. 82–84.
- Ф. Сологуб и Е. И. Замятин. Переписка / вступ. статья, публ. и коммент. А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой // Неизданный Федор Сологуб. – М. : Новое литературное обозрение, 1997. – С. 385–394.
- Цехновицер, О. [Предисловие] / О. Цехновицер // Сологуб Ф. Мелкий бес / подгот. текста А. Л. Дымшица ; предисловие О. В. Цехновицера. – М. ; Л. : Academia, 1933. – С. 5–28.
- Эткинд, Е. Вверх по лестнице, ведущей вниз / Е. Эткинд // Эткинд Е. Записки незаговорщика. Барселонская проза: Мемуары. – СПб. : Академический Проект, 2001. – С. 390–396.

References

- Druzhinin, P. (2012). «Oдна абсолютно obglodannaya kost'»: Istoriya zashchity A. L. Dymshitsem doktorskoj dissertatsii [“One Absolutely Nibbled Bone”: The Story of A. L. Dymshits’ Defense of His Doctoral Dissertation]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 3 (115), pp. 124–147.
- Dymshits, A. L. «Melkii bes» v tvorchestve F. Sologuba. Maksim Gor'kii i Fedor Sologub (1932) [“The Petty Demon” in the Works of F. Sologub. Maxim Gorky and Fyodor Sologub]. In *Russian State Archive of Literature and Art*. Fund 629. Inventory 1. No. 1479, sheet 1–130.
- Etkind, E. (2001). Vverkh po lestnitse, vedushchei vniiz [Up the Stairs Leading Down]. In Etkind, E. *Zapiski nezagovorshchika. Barselonskaya proza: Memuary*. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt, pp. 390–396.
- F. Sologub i E. I. Zamyatin. Perepiska F. Sologub and E. I. Zamyatin [Correspondence, Introduction Article]. (1997). In *Neizdannyi Fedor Sologub*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 385–394.
- Gorky, M. (1964). O perspektivnom pyatiletnem plane izdaniya klassikov v svyazi s zamechaniyami N. K. Krupskoi 20... 21 sentyabrya 1928 goda [On the Perspective Five-Year Plan of Publishing Classics on the Remarks of N. K. Krupskaya September 20... 21, 1928]. In *M. Gor'kii i sovetskaya pechat': v 2 t.* Vol. 1. Moscow, Nauka.
- Gorky, M. (2019). *Pis'ma: v 24 t.* [Letters, in 24 vols.]. Vol. 21. Moscow, Nauka. 1014 p.
- Ivanova, T. G. (2006). *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma: Istoricheskii ocherk* [Manuscript Department of the Pushkin House: Historical Sketch]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 444 p.
- Ivanov-Razumnik v perepiske s Fedorom Sologubom i Anastasiei Chebotarevskoi (1910–1927) [Ivanov-Razumnik in Correspondence with Fyodor Sologub and Anastasia Chebotarevskaya (1910–1927)]. (2016). In *Fedor Sologub: razyskaniya i materialy*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 438–514.
- Kamenev, L. B. (2013). Predislovie k memuarom Andreye Belogo «Nachalo veka» [Preface to Andrei Bely’s Memoirs “The Beginning of the Century”]. In *Smert' Andreye Belogo (1880–1934): sbornik statei i materialov: dokumenty, nekrologi, pis'ma, dnevniki, posvyashcheniya, portrety*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 184–197.
- Katalog izdaniy 1929–1933 s prilozheniem plana izdaniy na trekhletie 1933–1935* [Catalogue of Publications 1929–1933 with Annex of the Plan of Publications for the Triennium 1933–1935]. (1932). Moscow, Leningrad, Academia. 76 s.
- Lavrov, A. V. (2021). Andrei Belyi pod sovetskim shchitom [Andrei Bely under the Soviet Shield]. In *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti*. Saint Petersburg, Nestor-istoriya.
- Lenin, V. I. (1973). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collected Works]. 5th edition. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 23. 596 p.; Vol. 24. 568 p.
- Nikitina, M. (1989). Gor'kii i F. Sologub (k istorii otnoshenii) [Gorky and F. Sologub (to the History of Relations)]. In *Gor'kii i ego epokha: issledovaniya i materialy*. Issue 1. Moscow, Nauka, pp. 185–203.
- Pavlova, M. M. (2004). Rannaya redaktsiya romana «Melkii bes»: «Smertyashkin» protiv «Sharika» [The Early Edition of the Novel “The Petty Demon”: “Smertyashkin” Against “Sharik”]. In Sologub, F. *Melkii bes*. Moscow, Nauka, pp. 722–743.
- Skatov, N. N. (Ed.). (2005). *Pushkinskii Dom: Materialy k istorii, 1905–2005* [Pushkin House: Materials for the History]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 600 p.
- Sologub, F. (1933). *Melkii bes* [The Petty Demon]. Moscow, Leningrad, Academia. 441 p.
- Sologub, F. (1958). *Melkii bes* [The Petty Demon]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 274 p.
- Timofeev, L. (1934). Ocherednaya neudacha [Another Failure]. In *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*. No. 3, pp. 82–84.
- Tsekhnovits'er, O. (1933). Predislovie [Foreword]. In Sologub, F. *Melkii bes*. Moscow, Leningrad, Academia, pp. 5–28.
- Vaisband, E. (2017). V bor'be za perepisyvanie ideologii russkogo futurizma: mladoformalisty, «nekii A. Dymshits» i Gulliver o voennykh stat'yakh Mayakovskogo [In the Struggle to Rewrite the Ideology of Russian Futurism: Mladoformalists, «nekii A. Dymshits» and Gulliver on Military Articles by Mayakovsky].

The Young Formalists, “a Certain A. Dymshits” and Gulliver on Mayakovsky’s War Articles]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1 (143), pp. 32–53.

Данные об авторе

Филичева Вера Владимировна – кандидат филологических наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

E-mail: lntfmd@rambler.ru.

Author’s information

Filicheva Vera Vladimirovna – Candidate of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 27.04.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 27.04.2024; date of publication: 28.12.2024